

INSPIRIA

18+

РЕЙЧЕЛ ГИЛЛИГ

РЫЦАРЬ и МОТЫЛЕК

МЕЧИ И ДОСПЕХИ — НИЧТО
ПЕРЕД КАМНЕМ

INSPIRIA

Inspiria Ромэнтэзи. Меч и клятва

Рейчел Гиллиг

Рыцарь и мотылек

2025

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Гиллиг Р.

Рыцарь и мотылек / Р. Гиллиг — 2025 — (Inspiria Ромэнтэзи.
Меч и клятва)

ISBN 978-5-04-251616-0

Перед Провидицами собора Ашлин благоговеют и трепещут. Девы, чей взгляд всегда скрыт за тонким покровом, легко меняют судьбы, ведь только им подвластна тайна толкования знамений Вещих богов. Сибил, не знавшая жизни за пределами собора, привыкла к преклонению. И знать, и простой народ готовы пересечь бесконечные пустоши королевства, чтобы она открыла им будущее. Однако есть и те, кто глух к ее словам. Например, таинственный рыцарь, сопровождающий короля, по имени Родрик Миндашес. У него три серьги в ухе, а рот полон язвительных речей, но именно он как никто другой знает, по каким законам живут обычные люди. И когда Провидицы начинают пропадать из собора одна за другой, у Сибил не остается выбора, кроме как довериться ему. Грубияну, который не боится бросить вызов ее богам. Еретику, чье будущее она не может увидеть.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-251616-0

© Гиллиг Р., 2025

Содержание

Собор Ашлин	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Рейчел Гиллиг

Рыцарь и мотылек

*Ребенку в каждом из нас,
который жаждет быть особенным.
Бери меня за руку,
необычное маленькое создание,
И пойдем за стену.*

© Николенко Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Собор Ашлин

Тебе знакома эта история, Бартоломью, хоть ты ее и не помнишь. Поведаю тебе все, уж как сумею, и клянусь говорить честно. А если не выйдет, то не моя вина. Рассказать историю – значит чуточку солгать, верно?

Однажды ты поднялся на самый высокий пик Траума, туда, где ветер напевает грустные мелодии. Там цвели маргаритки, и серые камни холодили твои босые ноги. Там стоял храм, – и ты, с губами в крови, крошечный словно букашка, прокрался через притвор в неф, затем по проходу. Там у алтаря из-под древнего камня бил родник; ты упал в него. Поднял взгляд на окно-розетку, и свет поцелуем коснулся цветного стекла. Твоим даром стало послушание. Ты оглашал имена богов и их знамения. Тогда ты научился грезить...

И тонуть.

Прости, Бартоломью, эта часть истории мне тоже не по душе. Но я порой гадаю...

Не будь ее, разве существовало бы остальное?

Глава первая

Шесть дев на стене

Горгулья, чудаковатый каменный истукан, что имел привычку изъясняться в основном туманными иносказаниями, прошаркал в темный угол галереи. Там, в паутине между железными канделябрами, билась муха.

– Все жужжит и жужжит... – Он погрозил мухе каменным пальцем, хриплый голос эхом раскатился по собору. – Поделом тебе! Уж сколько можно твердить: гляди куда летишь. А теперь... – Он склонился ниже и всмотрелся в паутину. – Сиди смирно. Я тебя вызволю.

Вызвolyть муху он, конечно, не стал. Вместо этого принялся дальше донимать несчастную букашку поучениями об опасностях полета. Обладай муха способностью мыслить, она, вероятно, предпочла бы сгинуть в лапах паука, нежели оставаться объектом заботы горгульи. Но муха не умела говорить, следовательно, и жалоб не высказывала. Она лишь продолжала жужжать, а горгулья – разглагольствовать.

Поэтому мне и удалось улизнуть от обязанности вытирать пыль с храмовых скамей – хотелось посмотреть, как король поднимается на холм.

Шлепая босыми ногами по каменному полу, я выскочила в неф, а потом и на улицу, залитую закатным светом, лучи которого проникали сквозь невесомый, как паутинка, покров у меня на глазах.

Часы посещений уже истекли, и на засыпанном щебнем дворе не было никого, кроме статуй из белого камня. Пять фигур с капюшонами на головах – безликие, древние, около десяти пядей высотой, с приветственно распростертыми объятиями. Все были как одна, различались только предметы, которые они держали в левой руке. У первой статуи – монета, у второй – чернильница. Третья сжимала весло, четвертая – колокольчик, а последняя, пятая – ткацкое грузило.

Между статуй я пробралась на цыпочках: всегда в глубине души боялась ненароком поднять шум и разозлить их. Но камень не умел ни гневаться, ни любить. И все же они следили за мной из мрака своих капюшонов – суровые, недвижные. Я ощущала их взоры, как взор собора Ашлин, чьи витражные очи – безмолвные, древние, осуждающие – вперились мне в спину.

Я прибавила шаг.

Щебень двора сменился травой – я выскочила в сад с узловатыми деревьями. Лето подходило к концу, и кроваво-красные яблоки тяжело свисали с веток. Не медля, на ходу я сорвала спелый плод и выбежала из сада. Впереди высилась каменная стена. А на ней...

Ждали пять дев.

Они были в таких же блеклых платьях, как у меня, глаза – под таким же невесомым покровом. Девушки взобрались на старинную ограду и стояли там, купаясь в лучах закатного солнца, а ветер трепал подола их одежд – точно пять белых флагов водрузили на стену в знак капитуляции.

Будто ощутив приближение последнего недостающего звена, они повернулись ко мне. Самая высокая, та, что чуть раньше помахала мне и прошипела от дверей собора «это ж король как-никак!», сложила ладони рупором и крикнула:

– Пошевеливайся!

Я прикусила яблоко зубами и коснулась мозолистыми пальцами старой каменной кладки. В высоту стена была двенадцать пядей, покрыта лишайником – не так-то просто на нее взобраться. Но за почти десять лет научиться можно чему угодно – так что для меня эта стена была знакома и особых сложностей не представляла.

Я взобралась наверх. Девы посторонились, освобождая мне место, и я уселась на стену верхом, перекинув через нее ногу.

– Это точно он?

Вторая – ее имени я не знала, только номер – высокая и мрачная, ткнула пальцем в сторону горизонта.

– Там, за обрывом, я видела пурпурные штандарты. Клянусь памятью матери.

– Если бы еще мать у тебя была... – пробормотала Третья.

– Подождите чуточку, – сказала вытянувшаяся в струнку Вторая, – сами увидите, я права.

Пятая – она стояла рядом со мной – отвела от лица прядь рыжих волос, но ветер швырнул их обратно.

– Дай откусить? – спросила она, кивнув на мое яблоко.

– Кисловатое. – Я протянула ей плод.

– Фу! – Она скривилась, швырнула яблоко со стены, и оно с глухим стуком приземлилось у обочины дороги – алым пятнышком в зелени. – Как ты вообще ешь эту гадость?

– Вряд ли мы это когда-нибудь выясним. – Сидевшая рядом Четвертая накрутила на пальцы черный локон. Она коснулась моего плеча, и наши взгляды встретились – или мне так показалось. Кто знает, куда она смотрела на самом деле? Наши глаза были спрятаны под тонкими покровами: я не знала ни имен своих подруг, ни цвета их глаз.

Я и цвета своих глаз не знала.

– Проклятье! – Четвертая медленно растянула губы в улыбке. – Вон он!

Мы повернулись. На востоке, из-за зеленых холмов выглянули...

Пурпурные штандарты.

Я прищурилась. Смотреть через тонкий покров было точно смотреть сквозь поднимающийся от котелка пар. Но пик, на котором стоял наш собор, был самым высоким, холмы Траума раскинулись широко, а воздух был столь чист, что мне не составило труда во всех подробностях разглядеть процессию короля Кастора, едва лишь та показалась на виду.

Их было около двух десятков – знаменосцев, оруженосцев и рыцарей. Ну и представление они устроили! Доспехи блестели на солнце, а шуму было столько, что тот, подхваченный ветром, летел к нам искаженным эхом, и речь всадников сливалась в неясный гул. Даже с такого расстояния мы догадались, кто из них король Бенедикт Кастор. Его доспехи были выкованы не из отливающего серебром железа, как у всей свиты, а из золоченого, словно он – солнце, а рыцари, окружающие сюзерена, – скопление малых звезд.

Вот так я впервые увидела юного короля.

Процессия скрылась за грядой холмов. Уже скоро всадники проедут в точности под стеной, на которой мы расселись в ожидании, словно воробьи на веточке.

Первая задумчиво постучала пальцем по подбородку.

– Многовато рыцарей для простого Прорицания.

– Нам же лучше, – усмехнулась Четвертая.

– Говорят, король совсем мальчик, – как обычно равнодушно обмолвилась Третья, словно читала вслух из книги. – Говорят, он боится даже собственной тени. Наверное, ищет помощи в старом жутком Ашлине.

– Мечи и доспехи здесь ничто, – прошептала я ветру.

Остальные кивнули.

– Что ж, тогда... – Первая запустила руку в бесформенные складки платья и достала шесть соломинок. – Двигайтесь поближе, злючки.

Хором застонав, мы придвинулись ближе. Вторая встала напротив Первой, которая протянула ей кулак с зажатыми в нем соломинками. Правила были просты.

Главное – не вытянуть короткую.

Вторая достала из центра пучка длинный стебелек. Первая потянула с края – снова длинный. Они вытягивали их, пока не осталось всего две соломинки. Помедлив, Первая сделала ход – резко дернула выбранную соломинку...

И усмехнулась.

– Короткая – у тебя, Вторая.

Та, высоко подняв подбородок, оглядела нас.

– Иди сюда, Третья.

Игра продолжилась. Вторая одержала победу над Третьей и с самодовольным видом отошла к Первой. Прочие взволнованно кусали ногти и ждали своей очереди. Четвертую победила Третья, а потом и Пятая.

Когда Четвертая осталась лишь со мной, своей последней соперницей, она застыла, точно каменная статуя.

Словно исполняя известный нам одним танец, мы пошли вдоль стены. Судя по шуму, королевский кортеж приближался. Сжав соломинки мертвой хваткой, Четвертая кивнула мне.

– Давай ты сначала.

Внимательно всмотревшись в обтрепавшиеся кончики соломинок, я вытянула длинную. Четвертой тоже повезло. Ржание лошадей и смех рыцарей раздавались совсем близко. Я выбрала еще раз – опять длинная. Четвертой досталась такая же.

Третья присвистнула.

– Две последних. Боишься, что будет тошнить и сил флиртовать не хватит, Четвертая?

– Заткнись! – Четвертая кивнула мне. – Тяни.

Я знала, о чем она думает. Мы все об этом думали. Потому и разыгрывали эту партию уже сотни раз.

Никому не хочется грезить.

Ветер легонько взъерошил мои короткие серебристые волосы, но я не отрывала взгляда от соломинок. От характерного узора на их истрепанных желтых кончиках.

– Эта!

Все девы придвинулись к нам, и Четвертая показала соломинки.

Вторая захохотала.

– Везет же тебе, потаскушка!

Короткую соломинку вытянула я.

Четвертая с облегчением засмеялась.

– Тем лучше, Шестая. Ты – ее любимица. Ты в воде никогда не бьешься.

Я зажала в огрубевшей ладони соломинку – кривую и хрупкую, а потом снова уселась на стену, и тут как раз показались первые всадники кавалькады короля.

Впереди, на ратном коне светлой масти без единого пятнышка травы на боках, ехал сам король. Бенедикт Кастор держался в седле не так, как его предшественник, отстраненный и безучастный ко всему король Авгур – сероглазый, седовласый. Король Кастор, напротив, будто сгибался под тяжестью ноши, его доспехи скрипели, словно скрывая непривычное к ним тело – точь-в-точь оруженосец, нарядившийся в рыцарские латы. Его щеки были круглыми, а подбородок – гладким. Интересно, он уже брился?

– Только представьте, – прошептала Пятая, – в семнадцать лет избран рыцарством для защиты веры. Семнадцать – и уже король.

– Которому всему миру нужно показать свою силу, – пробормотала Первая, глядя на короля сверху вниз.

Тот проехал под стеной, не взглянув на нас, не догадавшись, что его рассматривают. Но тут Четвертая громко ахнула, и королевский знаменосец поднял взор. Увидел нас и широко распахнул глаза. «Провидицы», – прошептал он одними губами. Потом осмелел и окликнул рыцарей, что ехали позади него.

– Шесть дев на стене! Провидицы!

Послышался громкий топот и ржание коней.

Рыцари выехали на открытое место. В их рядах были и женщины, и мужчины – все непохожие друг на друга. У некоторых были благородные светлые волосы уроженцев Утесов Беллидина или острые, скуластые лица жителей хуторов, что раскинулись у подножия Ярых Пиков. У воительницы с топором за спиной вокруг глаз был размазан уголь – отличительный знак обитателей Звнящего Леса.

– Провидица, – крикнул какой-то рыцарь, поднимая забрало шлема. Он смотрел на Четвертую. – Прекрасная таинственная дева! Я убивал спрайтов – защищал богов и веру. Умоляю, в награду за мою преданность даруй мне поцелуй!

Прочие рыцари тоже тянули шеи, снимали шлемы, чтобы разглядеть нас получше. Одни выкрикивали рыцарский девиз в знак приветствия, другие бросали нам полевые цветы и молили – о, как они молили! – о нашем внимании, теплом слове, поцелуе, хотя стена была слишком высока, и было куда приятнее смотреть на умоляющих мужчин, чем удостаивать их прикосновением своих губ.

Я склонилась, чтобы увидеть глаза прибывших. Матушка-настоятельница собора и пять дев, которые стояли сейчас рядом со мной, носили на лицах тонкие покровы, так что кроме глаз посетителей я постоянно видела лишь глаза местных горгулий. А те, высеченные из камня, напоминали наш храм. Они потрясали воображение – и были совершенно лишены жизни.

Зазвонили колокола.

Королевская процессия поредела, под стеной проехал последний рыцарь. Провидицы с привычной ловкостью двинулись вдоль ограждения, но я осталась на месте.

Раскрыла ладонь и отдала обломки короткой соломинки на волю капризного северного ветра. Колокола храма продолжали неумолимо звонить. Я поднялась на ноги, повинуясь их зову, готовясь к тому, что мне предстояло, но тут...

Снизу послышалось ржание лошади.

На дороге томился отставший от кортежа рыцарь. Его лошадь упрямо стояла на месте и шумно жевала что-то найденное в зеленой траве у обочины.

Мое яблоко.

Всадник попытался пришпорить кобылу, но та довольно фыркала, целиком отдавшись поеданию яблока. Она даже не шелохнулась.

Из-под латного шлема донесся приглушенный поток брани. Под настойчивый гул храмовых колоколов рыцарь заерзал в седле, запрокинул голову – и мне открылась темная прорезь его забрала, сквозь которую он обозревал мир. Увидеть в ней глаза было невозможно. Как и ему – разглядеть мои сквозь покров. И все же в животе у меня ухнуло – я ощутила это в тот миг, когда он приметил меня на стене. Его плечи окаменели. Он медленно потянулся к шлему.

Снял его, открыв густую черную шевелюру. Отбросил с лица волосы, и я чуть не задохнулась.

Резкие черты лица. Темные брови. Выдающийся нос. Смуглая, позолоченная солнцем кожа, но в лице его не было пыла. Три поблескивающих на солнце золотых кольца, вдетых в правое ухо всадника. Суровые, густо подведенные углем карие глаза – настолько темные, что их легко можно было принять за черные.

Они тоже смотрели холодно.

Рыцарь взирал на меня – глаза вначале широко распахнулись, затем тут же прищурились. Губы неспешно искривились в усмешке, значение которой сложно было истолковать превратно.

Проклятье, на что ты там уставилась?

Прочие рыцари мне улыбались, они не бросали вызов, лишь благоговейно трепетали. А этот, похоже, ничего подобного не испытывал.

– Эй, рыцарь, – окликнула я. – Ну и зрелище эта ваша братия. Неужели король так испугался, что для Прорицания ему потребовалась вся рыцарская свита?

Незнакомец по-прежнему сурово смотрел на меня. Он ничего не ответил.

– Я говорю, король...

– Зрелище тут не мы.

– Что? – Я недоуменно моргнула.

Он не стал ничего объяснять, лишь, поскрипывая доспехами, продолжил недружелюбно взирать на меня.

Я выпрямилась во весь рост, возвышаясь над ним подобно шпилю собора.

– Благовоспитанный рыцарь скорее откусил бы себе язык, чем посмел бы так говорить с дочерью Ашлина.

Он сжал губы, словно я сказала что-то смешное – причем о себе же самой.

Тут позади раздался хриплый голос:

– Бартоломью!

Я резко крутанулась. В саду, в тени нависающего храма, стоял тот самый чудаковатый каменный истукан, которого я оставила в галерее.

– Немедленно спускайся, Бартоломью! Нас ждут, – снова позвал он меня.

Я бросила взгляд на дорогу. Рыцарю наконец удалось сдвинуть кобылу с места, и он уже во весь опор скакал, догоняя остальных.

Я нахмурилась, глядя вслед удаляющейся фигуре.

– Бартоломью, ты меня слышишь? – Истукан грозно потряс пальцем. – Немедленно слезай!

– Да слышу, слышу я тебя.

Цепляясь за стену, я спустилась, и вскоре босые ноги коснулись травы.

В Ашлине было двадцать три горгульи, все – непохожие друг на друга. Высеченные из камня изваяния имели пугающий вид, они сочетали в себе человеческие и звериные черты. У этого истукана был нависший лоб, клыки, когти и сложенные за спиной крылья, словно у летучей мыши – нетопыря, хотя я никогда не видела, чтобы он летал, ведь, по его словам, небеса не заслуживали доверия, а быть принятым за птицу – оскорбление, которое ничем не смыть.

Но как бы горгульи ни различались меж собой, они имели и сходство. Все каменюки хранили странную верность Ашлину, были привязаны к вершине холма, беспрекословно слушались матушку и сами точно служили неотъемлемой частью собора. Они часто ворчали себе под нос, но редко заговаривали с кем-то.

За исключением этого болтуна.

Я приблизилась к нему, примирительно протягивая руки. С этим нетопырем, который по неизвестной причине имел странную привычку все и вся звать «Бартоломью», лучше было выказать раскаяние – если уж он начинал дуться, обида длилась несколько дней.

– Ну, прости. – Когда я встала рядом, его лоб оказался на уровне моего плеча. – Хотелось отчитать одного болвана.

– Приятственное занятие, в чем ты не раз меня убеждала. Но к нам без малейшего предупреждения нагрянул король. Люди невообразимо нахальны. – Нетопырь досадливо закатил каменные глаза. – Выбрали ли вы, кому из вас предстоит грезить в роднике?

– Мне.

– Хорошо. – Он протянул когтистую лапу. – Поспешим.

Нетопырь повел меня через заросший корявыми яблонями сад. Мы торопливо прошли по двору мимо статуй, возвращаясь к собору, словно приманка на леске, которую потянули назад.

День уступал место вечеру; мы добрались до высоких дубовых дверей храма, где нас ждала матушка. Я не видела ни ее лица, ни иных участков кожи. Ее покров – светлая завеса

– достигал подбородка, полностью пряча лицо, а руки всегда защищали шелковые перчатки белого цвета. Лишь крепко сжатые кулаки и ледяные нотки в голосе выдавали матушкино недовольство.

– Король внезапно явился и требует Прорицание. Бенедикт Кастор Третий. – Она быстро произнесла его имя, выплюнув слова, будто те горчили на языке. Кажется, матушка была невысокого мнения о новоиспеченном юном короле. Ветер играл ее легким покровом.

– Грезить будешь ты, Шестая?

– Да.

Она одобрительно хмыкнула, а моя грудь раздулась от гордости. Матушка ласково погладила мою щеку и отошла в сторону, пропуская нас с горгульей в притвор, а потом закрыла за нами двери.

В соборе было темно. Холодно. Застоявшийся воздух пах известняком и красным деревом, но эти запахи не перебивали приторно-сладкую вонь гниющих цветов, что царила внутри.

– Утром я выстирал платья для Прорицания. – Каменный нетопырь провел меня по нефу. На последней скамье лежали шесть шелковых одеяний. – Это был невероятный труд. Я сам в себе от усталости.

– Не в себе, – поправила я, сбрасывая одежду. – Не в себе от усталости – вот как надо говорить.

Каменная бровь горгульи взлетела вверх.

– Будь я не в себе, меня бы стало двое, и стирка заняла бы вдвое меньше времени.

Не успела я ответить, как он отвернулся, дав мне возможность расстегнуть пуговицы без зрителей. Сначала я сняла развевающееся верхнее платье из тонкой ткани. Затем – льняную сорочку. На мне не было ни украшений, ни вязаных чулок, ни обуви. Я распустила завязки панталон, и те упали к моим ногам. Когда я закончила, на моем теле остался лишь покров, что прятал глаза. Обнажившись, я содрогнулась от холода.

Ритуальные одеяния еще хранили тепло солнечных лучей после сушки на воздухе. Я взяла то, на рукаве которого была вышита цифра VI. Белое, безупречное, шелковое, гораздо более тонкое, чем только что сброшенная одежда, платье было роскошным, но неудобным в носке.

– Я готова.

«Готова!» – насмешливо подхватило эхо, отскакивая от каменных стен собора.

Нетопырь повернулся. Осмотрел меня всю, снова протянул лапу и повел в поперечный неф. Там, в самом центре собора, подобно сердцу разместился... родник.

Давным-давно в огромном известняковом пласте образовалась трещина, и вокруг нее возвели Ашлин. Из широкого разлома, напоминавшего длинную узкую купель, сочился древний родник. Его воды были маслянистыми и темными, они-то и пахли гниющими цветами.

Соборные колокола зазвонили снова. В груди все сжалось. Я медленно подошла к роднику и приподняла подол одеяния.

Нетопырь помог спуститься в купель.

Вязкая вода доходила мне до пупка. Она, как и все в соборе, была холодной. Я содрогнулась, когда родник принял меня в свою ледяную утробу, пропитывая шелк моего одеяния, отчего то стало прозрачным.

Я подняла взгляд. Высоко надо мной, на галерее собора, светились пять витражных окон, на каждом из которых был изображен каменный символ – те самые предметы, что держали в руках статуи во дворе.

Монета, чернильница, весло, колокольчик и ткацкое грузило.

Шестое, и последнее, окно располагалось в центре восточной стены – огромная розетка, собранная из тысяч кусочков цветного стекла. Рисунок на нем отличался от прочих: там был

изображен не каменный символ, а цветок с причудливыми лепестками: если приглядеться, они по всем признакам напоминали нежные крылья мотылька.

Догорающие лучи солнца касались витражей, озаряя их, но сам свет оставался где-то наверху – вне досягаемости. Родник, в котором я стояла, был святейшим местом в Трауме, и все же я пребывала во тьме.

Из теней безмолвно вышли они – еще шесть горгулий. Истуканы выстроились вокруг купели, словно метки на солнечных часах.

Соборные двери распахнулись.

В притвор вошла свита короля. Теперь они были молчаливы, словно сам Ашлин лишил их голоса. Рыцари сняли шлемы и стали крутить головами, рассматривая убранство собора – прекрасные мраморные полы, резные барельефы, высокие сводчатые потолки и витражи.

Колокола затихли.

Вслед за рыцарями появился король Кастор, он шел плечом к плечу с матушкой. Он был в сверкающих доспехах, она – в светлом платье, с лицом под покровом, что напоминал фату; они ступали по проходу, точно жених с невестой, которые собираются произнести у алтаря клятвы.

С одной лишь разницей – невесты не держат в руках нож.

Рыцари расселись по скамьям. Матушка и король подошли к камню в центре собора и встали прямо передо мной.

Матушка сказала слова, которые всегда произносила перед Прорицанием. Совершенно безучастно.

– Для вас это первое Прорицание, Бенедикт Кастор. Вы принесли дар?

Король стоял передо мной, замороженно распахнув синие глаза.

– Двадцать золотых монет.

– И что же вы хотите узнать из грез Провидицы?

– Ничего. – Легкий румянец проступил на щеках короля, а голос прозвучал отрывисто. – То есть я хочу знать, благоволят ли боги мне, новому королю Траума.

Он дрожал, а я застыла не двигаясь. Бедняга был испуган и из-за этого казался еще более юным, несмотря на все свои великолепные доспехи. В тот миг мне почудилось, словно я вижу Бенедикта Кастора яснее и отчетливее остальных. Вот почему мне так нравилось быть Провидицей – когда я стояла в роднике Ашлина, я становилась мудрее и сильнее прочих. Происходящее ужасало и воодушевляло меня.

Пусть и то, что следовало дальше, было невыносимо.

Матушка какое-то время молчала. А потом медленно передала королю Траума нож.

– Тогда начнем.

Глава вторая

Вещие боги

Король Кастор, не издав ни звука, вспорол мечом свою плоть. Он провел клинком по линии сердца на ладони и сжал пальцы; выступила кровь, и он набрал ее в пригоршню, словно вино в чашу. Это было священное действие – дарование части себя ритуалу Прорицания.

Матушка взяла короля за запястье и поднесла его окровавленную руку к моему рту. Бенедикт Кастор посерел и устался в стену, словно был не в силах вынести вида собственной крови – или меня.

– Пей, – велела матушка.

Я раскрыла губы, и кровь короля полилась мне в рот – вязкая, теплая, мерзкая на вкус. Кровь всегда такая.

Я проглотила ее, силясь сдержать рвоту.

Матушка начала произносить речь.

– Траум – старинное название земли, что еще древнее сего имени. Его прошлое столь же диковинно, так же мрачно, как наши грезы. Но во многом подлинная история государства началась на этом самом холме... – Она замолчала, повернувшись к королю. – Хотя, возможно, вам, король Кастор, не по нраву легенда, которую я рассказываю перед Прорицанием. Не следует ли нам сразу перейти к делу?

Король беспокойно переступил с ноги на ногу.

– Пусть лучше все будет как положено. Прошу вас, продолжайте.

Матушка знакомым жестом коснулась моей щеки, безмолвно приласкав, и заговорила вновь:

– Траум и его поселения мы изучили вдоль и поперек. Ярмарка Коулсона, поселение торговцев. Ученый город Шехт, где живут писари. Яркие Пики возле устья нашей реки – поселение рыбаков. Бесценная березовая роща – Звонящий Лес, где живут лесничие. Цветущие Утесы Беллидина, где обосновались ткачи. – Матушка вздохнула. – Старые предания, конечно, разнятся, но в одном они все схожи. Траум был полон жутких существ. По поселениям бродили спрайты. Люди пытались с ними сражаться, но народ был разобщен и в отсутствие богов пребывал в растерянности – без божественных законов, без правителя. А когда ничего этого нет...

«Неизбежны трагедии», – прошептала я про себя.

– Неизбежны трагедии, – словно эхо повторила матушка. – Спрайты крали в поселениях еду, золото и детей. Нередко случались смертоубийства. Погибал урожай, разбивались лодки, шерсть поедала моль. Вскоре жители Траума и сами уподобились спрайтам – стали дикими тварями, чуждыми, ненасытными и совершенно лишенными добродетели.

– Как по мне, они неплохо проводили время, – пробормотал какой-то рыцарь.

Король Кастор слабо ухмыльнулся дрожащими губами. Я сурово взглянула на него из-под своего покрывала.

Матушка продолжала рассказ:

– Число смертей росло, а вместе с ним росла и вражда между поселениями.

«Но однажды ночью...»

– Но однажды ночью – темной, тихой ночью, когда похолодало настолько, что небо окрасилось несравненным пурпуром, шесть богов посетили Траум.

По собору эхом пролетел смешок.

Забряцали доспехи, послышались приглушенные голоса, затем один из рыцарей поднялся со скамьи и громко протопал по каменному полу. Когда он распахнул дверь святилища, вечерний свет скользнул по темной шевелюре и трем золотым кольцам у него в ухе.

Тот рыцарь с дороги! Он бросил через плечо мрачный взгляд и пинком затворил за собой древнюю дверь.

Матушка подождала, пока в соборе стихнет гулкое эхо после его ухода, а затем без капли смущения продолжила:

– Темной, тихой ночью бесприютное дитя в поисках пропитания покинуло свое селение и вскарабкалось на холм. Холм тот был почти лишен жизни, если не считать шепчущихся на ветру трав, маргариток и бледных мотыльков. Но вдруг – родник! Диковинный родник бил на самой вершине холма из-под огромного камня. Дитя подошло к краю воды, жадно напилось... – на миг она торжественно умолкла, – и погрузилось в сон.

Я слышала эту легенду столько раз, что живо рисовала ее в своем воображении. Дитя – тех же лет, что была я, когда попала в Ашлин, – лежит в темной воде перед замороженными зрителями. Меня переполняла гордость оттого, что брошенное дитя – такое же, как я, – стало самой важной фигурой в святейшей легенде Траума. Даже если у сироты из легенды не было имени.

Матушка рассказывала дальше:

– Когда дитя очнулось, больное и ослабевшее, оно поведало случайным прохожим о шести неземных созданиях, что посетили его сон, – о смутных фигурах с каменными предметами в руках – реликвиями, что обладали неимоверной силой. Рассказ сироты быстро разошелся по округе, жители деревень потянулись на холм, чтобы увидеть родник. Снова и снова дитя пило воду и грезило. Спустя какое-то время оно догадалось, что символы каменных реликвий таят в себе вещие знамения. Так и нарекли богов, которые ими владели.

– Вещих богов, – прошептала я.

– Вещих богов, – повторила матушка. Она указала пальцем на окна в вышине, и все собравшиеся в святилище подняли взгляды на витражи. – Вещему с каменной монетой дитя дало имя Ловкий Разбойник. Вещий с чернильницей стал Изможденным Писарем. Вещий с каменным веслом был назван Рьяным Гребцом. Хозяйка колокольчика – Верной Лесничей. – Она указала на пятое арочное окно. – А Безутешная Ткачиха хранит священное грузило.

Матушка кивнула на последний витраж – большое окно-розетку.

– Но у шестого бога ничего не было. Он вообще ничем себя не проявлял, лишь иногда предстал перед взорами людей в виде бледного мотылька с нежными крылышками. Одни говорят, мол, он показывается в миг твоего рождения, другие верят, будто он приходит прямо перед смертью. Что из этого правда, – матушка развела ладони, словно две чаши весов, – нам не дано знать. Мы можем читать знамения богов, но не нам их оспаривать. Мотылек переменчив, недостижим – его не в силах познать даже Провидицы. – Она приложила к груди затянутую в перчатку руку. – Разумеется, есть те, кто верит, что Вещие боги – не просто обитатели мира грез. Что Мотылек и прочие живут среди нас – скрываются в поселениях, уничтожают жутких спрайтов и вершат судьбу Траума своими магическими реликвиями. Вездесущие – и вечно наблюдающие.

Во рту у меня скопилась слюна, густая, с привкусом железа. Время почти пришло.

– И вот, – провозгласила матушка, – мы оказались в сердце величайшей легенды Траума. Над родником на холме воздвигли грандиозный собор, и туда привезли других покинутых детей, чтобы те грезили. И стали они дочерьми Ашлина, чтимыми повсеместно Провидицами. Был коронован король, и пять поселений Траума объединила вера, дав рождение Королевству Каменного родника. Рыцарям короля было поручено защищать веру так же ревностно, как и поселения – от спрайтов.

Матушка умолкла. Она возвышалась над юным Бенедиктом Кастором, который упорно не отрывал взгляд от собственных ног.

– И король поклялся быть скорее смиренным просителем, нежели владыкой, поклялся, что не станет брать бразды власти в свои руки ради личной выгоды – никогда не станет искать

Вещих богов или их реликвии ради собственного могущества или тщеславия. Ибо, в конце концов, все мы тут лишь просители. Будь то ремесленник или король, рыцарь, сирота или Провидица – вера для нас едина. Она, как и собор Ашлин, служит опорой для жителей Траума. И хотя у каждого из нас свои убеждения, мы не должны забывать – именно боги правят Траумом. Именно они дают нам знамения. Мы же – лишь свидетели их чудес. Ученики их пророчеств. – Она призывно воздела руки. – Всего лишь гости у врат их величия.

– Всего лишь гости, – отозвалась я.

– Всего лишь гости, – пробормотал король.

– Всего лишь гости, – эхом откликнулись рыцари.

Горгульи подобрались ближе к роднику.

Я прерывисто вздохнула.

– Какое имя, обогрешенное кровью, ты назовешь Вещим богам? – спросила я короля.

Он замешкался с ответом, словно и вовсе про меня забыл.

– Бенедикт Кастор Третий.

Матушка опустила ладони мне на плечи.

– Ложись, – велела она.

Я повиновалась, и меня окутали запах гниющих цветов, вкус крови, маслянистая вода – они были повсюду. Я лежала в купели родника на спине, взирая на простирающиеся наверху своды Ашлинга, на окна собора, что горели светом, пока я пребывала во тьме.

Матушка склонилась надо мной и отдала последнее решительное повеление:

– Окупись в грезы.

Она нажала мне на ключицу так сильно, что наверняка оставила синяк.

Я скользнула в жуткий холод родника. Зажмурилась, открыла рот. Вода хлынула в горло, и я ею захлебнулась. Тело содрогнулось раз, другой – по поверхности пошла рябь. А потом я сделала то, к чему привыкла с самого первого дня в Ашлине.

Утонула.

Меня охватила боль, страшная боль, а после...

Ничто. Слепящее прозрачное ничто.

Я лежала на чистом каменном полу, глядя вверх в те же окна, что прежде. Но теперь они казались выше, сводчатый потолок собора затянуло дымкой, словно он парил где-то в небесах.

Горгульи, Провидицы – как и матушка с королем и его рыцарями – все исчезли. Не осталось даже скамей из красного дерева. Я лежала одна в бледном потустороннем образе Ашлина, которого в настоящем мире не существовало.

Я поднялась. Одевание исчезло. На мне не осталось ни клочка ткани, кроме тонкого покрова на глазах. Я осмотрела свое обнаженное тело: волосы, плоть, жирок, мускулы, кости... В горле булькнул странный смех. Испив крови с водой и утонув в роднике, я всегда ощущала себя непомерно раздувшейся. Словно вменив внутрь всю эту тяжесть, я становилась бесконечной. Меня мучило от отвращения к себе и пьянило от гордости.

На краю поля зрения мелькнула тень. Я повернулась, но тень тут же дрогнула и исчезла.

В огромном пространстве я казалась себе крошечной.

– Вещие боги! – позвала я. – Я ваша посланница, ваша вестница – всего лишь гость в вашем мире. Я пришла за Прорицанием.

Тишина. А потом...

Собор пошел рябью. Его залил свет, и все вокруг – колонны, окна и выступы – поплыло в призрачном сиянии. Я шагала сквозь это бледное ничто, преодолевая вязкость, и сердце мое трепетало как у крошечной пичужки колибри.

Собор тряхнуло сильнее. Белое пространство испещрили темные точки, будто пятна на ткани.

– Я испила крови Бенедикта Кастора Третьего! – еще раз громко повторила я. – Я пришла за Прорицанием.

Собор задрожал...

И будто схлопнулся.

Пол ушел из-под ног, я провалилась сквозь лучи света, пронзающие тьму. В животе екнуло, руки и ноги онемели, меня охватило ощущение падения.

Мелькнула во мраке вспышка серебра, а потом...

Я ударилась сначала коленями, затем руками. Поверхность под ними была холодной, жесткой и зыбкой. Я подавила стон и покачнулась. Повалилась, перевернулась и покатилась, как скалка по тесту. Послышался перезвон, а когда я перестала катиться – голая и покрытая синяками, – сумела все же собраться с силами и сесть.

Монеты. Я упала на гору монет. Сотни, тысячи монет горами лежали в темной комнате.

Я огляделась. Посмотрела вверх. Там висели пурпурные штандарты, в высоких окнах голубело небо. И все же я различила призрачные колонны собора, его сводчатые потолки – холодное нутро Ашлина.

К этому времени меня должны были уже вытащить из родника. Как только Провидица, утонув, лишалась чувств, ее доставали из воды и укладывали грезить на алтаре – распростертую, с раскинутыми руками, словно жертвенное подношение богам.

Я все еще слышала звуки, которые доносились из реального мира, только неразборчиво.

– Что там? – окликнул далекий голос матушки.

Я открыла рот, хотела дать ответ...

И увидела ее – монету, что отличалась от остальных. Она парила в воздухе. Одна сторона была гладкая, другая – темная и с шероховатыми бороздами.

– Монета Ловкого Разбойника, – провозгласила я. – Я ее вижу. Шершавую сторону! – Я прерывисто выдохнула. – Дурное предзнаменование.

Если матушка и сказала мне что-то, я уже не услышала. Пол под ногами исчез, монеты потоком хлынули во тьму, и я вместе с ними.

Издав неподобающий крик, я приземлилась на ковер из шерсти. Монеты пропали, словно их и не было. Я оказалась в ином месте – в мрачном коридоре с высокими стенами, покрытыми росписью, но, как ни вглядывалась в изображения, рассмотреть их не сумела. Кажется, там были какие-то тела – как и я, обнаженные, изогнувшиеся в самых причудливых позах.

Высоко над головой, едва различимый, нависал сводчатый потолок Ашлина.

Я бесшумно ступала по ковру, но сердце лихорадочно колотилось. Когда тонешь в волшебном роднике Ашлина, видишь в грезах Вещих богов – всегда так и происходит. Больно. Жутко. Не важно, сколько раз я участвовала в Прорицаниях, меня вечно преследовало острое ощущение, словно я угодила в ловушку, словно кто-то незримый – вроде бы фигура в капюшоне – наблюдал за мной, и тьма сгущалась на краях поля зрения.

Поясница, подмышки, даже ступни босых ног – все покрылось влажным потом.

Вдруг я поняла: это не просто пот. Что-то холодное натекло мне под ноги, просачиваясь между пальцев.

И тут я увидела чернильницу в конце коридора: из нее на ковер, точно кровь из раны, сочилась чернота.

– Чернильница Изможденного Писаря! – как можно громче провозгласила я. – Перевернутая. Чернила растеклись. Ужасный знак.

Сверху послышался шепот. А потом чернильница и ковер в придачу с коридором исчезли, осталась лишь я – падать сквозь мрак и ничто в белесый свет. По лицу хлестнул порыв ветра. На сей раз падение не смягчили ни ковер, ни монеты. Меня встретили только безжалостный зазубренный сланец и горные камни. Я выставила руки, чтобы не так сильно удариться...

И рухнула на валун, сломав ключицу.

– Где ты теперь, Шестая?

Меня пронзила невероятная боль; заскрежетав зубами, я сглотнула тошнотворный комок, что подкатил к горлу.

– Шестая?! – Эхом разнесся над горами голос матушки, все такой же властный.

Однажды мне довелось наблюдать, как грезит Четвертая. Я была юна и любопытна и хотела понять, как я выгляжу во время Прорицания, но потом вид утонувшей Четвертой настолько выбил меня из колеи, что я едва не сбежала.

Матушка – я и не догадывалась, что она такая сильная, – вытащила Четвертую из родника, будто та весила не больше метлы, и уложила навзничь на алтаре. Мне всегда казалось, что Провидицы в ритуале обязательно молотят руками и ногами, может, даже корчатся. Получать знаки Вещих – все равно что погружаться в кошмары; в затуманенном состоянии я испытывала столь же сильную боль, как и наяву.

Но Четвертая просто... лежала на алтаре, с совершенно безмятежным видом. Лишь из едва приоткрытых губ доносился голос, что оживлял это тревожное зрелище. Она стонала – и кричала. Позже Четвертая поделилась со мной, что приземлилась на грудь монет Ловкого Разбойника, и падение на спину выбило из нее дух. А я слышала только вздох и видела только неподвижную деву во влажном шелковом одеянии, которая с распростертыми руками застыла на священном алтаре.

И по какой-то необъяснимой причине мне это понравилось. Осознание, сколько боли я способна вынести, не выдавая этого окружающим, придавало мне сил.

И пусть даже эту треклятую ключицу невыносимо ломило.

Я оперлась на здоровую руку и встала на колени. Грудь и живот покрывали царапины от камней. Впереди синело озеро, окруженное семью остроконечными вершинами, такими крутыми и острыми, что они были похожи на когти великана из древних легенд.

Но я выискивала взглядом не их, а воду. Прозрачную голубую воду и большое каменное весло, зависшее над озером.

– Я в горах, – выдавила я, стиснув зубы. – Весло Рьяного Гребца не касается воды, течения нет. Еще одно дурное предзнаменование для короля.

В животе ухнуло – опять! – и вот я уже не стою на скалах, глядя на воду, я одна среди деревьев. От перелома ключицы и порезов на коже не осталось и следа. Я очутилась в роще, окруженная бледными стволами берез, вокруг – ни души.

Но я здесь была не одна.

Сквозь усыпанные желтыми листьями верхушки берез струился теплый свет. Веток не было видно, стволы покачивались на ветру, словно болезненные руки, что тянутся к призрачным сводам Ашлина.

Я прислушалась. Вот оно. Звон колокольчика, подвешенного на дереве впереди. Каменный колокольчик неуверенно звякнул несколько раз.

– Колокольчик Верной Лесничей звонит вразнобой! – провозгласила я. – Плохой знак.

Голоса матушки я не слышала. Лишь вообразила себе, как злорадно щурятся ее глаза под покровом, пока она наблюдает за королем Кастором. Четыре реликвии – четыре дурных знамения.

Осталось последнее.

Звон колокольчика резко оборвался.

Лес затих. Деревья – березы – стояли очень тесно, сомкнув стволы, словно подобрались ближе, чем прежде, как стая волков, которая окружает заблудшего оленя. Вблизи я разглядела, что их светлая кора не была полупрозрачной или тонкой, как у обычной березы. Нет. Кора была пятнистой. Отяжелевшей. Похожей на старую плоть. А сучки на стволах, прорези тьмы на этой бледной, облезлой коре... казались глазами. Сотнями черных, лишенных век глаз, которые наблюдали за мной.

Лес исчез. Когда мир вновь обрел форму, я лежала на земле – твердой, холодной и склизкой. Воздух был влажным и спертым, я с трудом различала собственную наготу – настолько все было залито чернотой.

– Я в темноте, – сообщила я.

«Я в темноте», – издали отозвалось мое же эхо.

Я знала, что воспоследует. Сотни раз мне грезились все эти места – комната с монетами, покрытый ковром коридор, горы, березовая роща и то, где я находилась сейчас, – волглая тьма. Я понимала, что меня поджидают каменные реликвии, понимала, как истолковать знамения. Я уже поднаторела в искусстве их чтения. Потому-то мне и было стыдно, что спустя столько лет я все еще им противлюсь.

Что все еще боюсь грезить.

Я поднялась на ноги, простерла вперед руки и поковыляла во мрак. Сначала вокруг не было ничего, лишь чернота, да в ушах отдавалось биение моего сердца. А потом – серебристый свет. Высоко вверху лунные лучи просачивались сквозь узкие трещины, словно я смотрела на ночное небо изнутри огромного темного яйца.

Света было мало, но его хватило, чтобы не удариться ногой о каменную скамью у стены. На нее был наброшен незаконченный гобелен, выцветший и обтрепанный. На нитке, оттягивая ее вниз, висело... каменное грузило.

– Грузило Безутешной Ткачихи! – провозгласила я, подавив порыв прошептать эти слова. – Нить оборвана. Пятое дурное предзнаменование. – Я покачала головой. – Вот ответ на вопрос короля Кастора. Вещие боги ему не благоволят.

Издали донеслись голоса.

Грезы исполнили свое предназначение. Сейчас матушка меня разбудит...

Но тут во тьме послышался звук. Шаги. Не глухой стук, какой издавали бы башмаки, сапоги или даже босые ноги, а резкий. Словно камень стучит о камень. Тук-тук, – слышалось позади. Тук-тук, – прямо у меня за спиной.

Я крутанулась на месте.

Позади – никого.

На коже высыпали мурашки; ощущение, что за мной наблюдают – уже приевшееся, – обострило все мои чувства.

Тук-тук – то ближе, то дальше.

Серебристый лунный свет погас, и меня окутал истинный мрак. Я подавила вскрик и сделала то, что делала всегда в этой части грез.

Побежала.

Я мчалась по темным закоулкам сна, пока не рухнула сквозь бездонную черноту, в никуда. Я падала, падала...

– Шестая! – послышался голос матушки. Громкий голос.

Я судорожно вздохнула и пробудилась.

Глава третья

Самый мерзкий рыцарь во всем Трауме

Кстати, меня зовут Сибил Деллинг. То есть меня звали Сибил Деллинг. Я забыла, кто дал мне это имя, но еще жив в памяти день, когда я его утратила.

Я была из сирот-подкидышей; меня держали сильные руки, я давилась водой, от которой несло гнилыми цветами. Не знаю, как я оказалась в роднике Ашлина, не помню ничего о своей жизни до этого дня. Но помню, как плакала, и всхлипы разносились эхом, близко и далеко, словно рыдала не одна девочка, а целая сотня.

Женщина, которая меня держала, носила покров на глазах, и ее голос был, как я позже узнала, голосом матушки. Она склонилась надо мной и сказала, что маленькая больная девочка, которой я была прежде, малютка Сибил Деллинг, умерла. Женщина спросила: стану ли я божественным орудием для Траума? Отдам ли десять своих лет в обмен на ее любовь и заботу? Что же мне оставалось, кроме как согласиться...

И тогда она меня утопила.

После меня вырвало. Матушка обнимала меня и говорила, что в роднике вода священная и волшебная, что, утонув в ней, я тоже стала причастна к святости и волшебству, пережившись навсегда. Что воспоминания мои смыло в тот миг, когда вода коснулась моих губ, и я словно переродилась. Она назвала меня необычной, особенной, иной. А самое главное – назвала меня своей, и говорила об этом с такой гордостью, что я целыми днями пыталась снискать ее одобрение и услышать те слова вновь. Она убрала мои серебристые волосы со лба и спрятала мои глаза под легким покровом, предупредив: за стенами собора меня будет подстерегать опасность, поскольку народ Траума жаждет присвоить реликвии. Велела мне беречь лицо и имя, пока не истекут мои десять лет в Ашлине.

Я получила номер. Шестая. Но обещала себе не забывать, что прежде была человеком с собственным именем – Сибил Деллинг – и что когда-нибудь вновь назову себя им после окончания моей службы в священном соборе Ашлин.

Кроме меня в Ашлине было еще пять девочек, тоже под номерами. Матушка приводила в собор мужчин и женщин – чтобы те взглянули на нас. Это были лорды и простолюдины, знать и рыцари. Они задавали вопросы, а мы ступали в родник с губами, обгагранными кровью незнакомцев, и Вещие боги показывали нам ответы – к добру ли, к худу ли. Мы были Провидицами. Святыми дочерьми Ашлина. Вестницами богов.

Годы шли. Снова и снова я входила в ледяную маслянистую воду. Смотрела на разноцветные окна, где лепестки и крылышки сливались в причудливом узоре. Снова и снова я тонула и грезилась. И среди грез, среди реликвий, что их наполняли, нарушила данное самой себе слово.

Я совершенно позабыла о Сибил Деллинг.

– Тише, Бартоломью. Грезы закончились.

Придя в себя в ризнице на скамье за бархатной портьерой, я закашлялась. Я снова очутилась в Ашлине, в своем влажном одеянии Провидицы. Собор погрузился в темноту, за окнами чернел мрак. Стояла ночь, я была в одиночестве. В одиночестве, да не совсем...

– Пять плохих предзнаменований, – снова прозвучал голос горгульи-нетопыря. – Остается лишь диву даваться, как это мальчишка-король не обделался. Обычно такое предельное унижение – зрелище восхитительное, но смотреть на Кастора... О боги... Да тебя рвет!

Меня и правда рвало. Сжав кулаки, я перекатилась на бок и извергла скудное содержимое желудка прямо на пол святилища.

Нетопырь возмущенно взвизгнул.

– Я же эти камни утром отмывал!

– Это... – я зажмурилась и тяжело вздохнула, – это я их отмывала.

– А мне пришлось надзирать за твоей работой!

Когда матушка пробудила меня, грезы резко оборвались, словно кто-то задул пламя свечи. Но после видений мой разум пребывал в затуманенном состоянии. Иногда оно длилось часами. Нетопырь уносил меня прочь от чужих глаз в ризницу, и я лежала там совершенно потерянная и полусонная, а когда в голове прояснялось, меня непременно рвало. Я обхватила колени руками.

– Который час?

– Ночь, – проворчал мой компаньон.

– Сама вижу. Остальные уже улеглись?

– Разумеется, – скривился истукан. – В том числе и рыцари.

Я закашлялась.

– Так король нас не покинул?

– Матушка предложила ему заночевать на постоялом дворе. Должно быть, пожалела его. Что за никчемное чувство эта жалость! Ведь гости – всегда в своем роде нарушители наших границ. Пока ты прохлаждалась без дела здесь, в ризнице, я застал у родника нескольких заблудших рыцарей. Не волнуйся – я указал им на их место. – Он цокнул языком, затем взял тряпицу и грубо вытер остатки рвоты у меня с губ. – Ну что, полегчало?

Болело все. Лоб, зубы, живот – меня мучило после того, как я нахлебалась родниковой воды. На мне не осталось следов от ран, которые я получила, пребывая в грезах. Но тело хранило призрачные воспоминания о сломанной ключице и ноющих мышцах.

– Пить хочется, – прохрипела я.

Нетопырь воззрился на пол, оскверненный моей рвотой.

– Я бы сопроводил тебя до домика, но, похоже, сначала придется тут все перемыть.

Я поднялась на дрожащих ногах.

– Прости за грязь.

Он задрал нос и не подумал пожелать мне доброй ночи.

Снаружи стояла прохлада. Воздух был не приторным, не пах гнилью, как цветы в соборе, но веял свежестью и очищал. На вершине холма не росло деревьев – повсюду виднелся лишь мелкий щебень, камни и трава. На небе вырисовывалась бледным когтем луна, которая не потрудились осветить мне путь. Ну и ладно. Даже с влажным покрывом на глазах и без фонаря я нашла тропинку через двор, ведущую к каменным постройкам, что покоились в вечной тени собора Ашлин.

На холме кроме святилища располагалось еще шесть домов. Самым большим был двухэтажный постоялый двор с пристроенными к нему конюшнями, которые часто пустовали, но теперь оттуда доносились запахи навоза от рыцарских лошадей.

Второе по величине здание – увитый плющом коттедж, где жила матушка. Прямо за ним располагалась трапезная, а затем – еще два домика. Один для горгулий, которые не ели и не пили, но любили поспать, другой – для Провидиц.

Последним строением была каменная хижина, что стояла в отдалении на южной стороне холма, где ветер выл громче всего. Туда никто никогда не ходил. У лачуги не было окон, только древняя железная дверь. Жалкий домишко, к тому же совершенно заброшенный.

Я тихо шагала мимо зданий. Обогнула конюшни, постоянный двор. Все окна там были темны. Возможно, рыцари горевали из-за дурных предзнаменований, которые получил их король, или уже улеглись спать. Но затем я завернула за дом матушки, увидела трапезную – и заморгала от неожиданности. Окна трапезной ярко светились. У входа во всеоружии стоял рыцарь и смотрел прямо на меня, вышедшую из темноты.

– Эй!

Я встала как вкопанная. Рыцарем оказалась женщина – с мечом на поясе и грозным топором в левой руке; она направилась ко мне, щурясь от света собственного факела.

– Кто здесь?

– Шестая, – прохрипела я в ответ.

– Кто?

– Шестая.

Она приблизилась, вся в желтом свете факела. В ее коротких темных волосах поблескивали затейливые кольца из бронзы, золота и серебра. Острый нос. Морщинки между бровей и у прищуренных глаз выдавали возраст – незнакомка была старше меня. Вокруг зеленых глаз – рисунок углем. Узнав меня, она их распахнула.

– О боги, Провидица. – Незнакомка опустила факел. – Ты точно призрак в своем этом...

Она смотрела на мое ритуальное одеяние. Белый шелк, все еще мокрый, не оставлял воображению ни единого шанса.

– Я иду к себе, – отрезала я.

– В такой час?

– Я грезил. Или вы забыли о Прорицании?

Незнакомка уставилась на меня. Не с благоговейным трепетом, как обычные посетители Ашлина, а более пристально.

– Не забыла. Но все уже легли. Включая твоих сестер и матушку.

– Я отдыхала в соборе у горгульи.

Она приподняла бровь.

– После грез вам требуется отдых?

– Вряд ли простая воительница способна осмыслить сложность ритуала Прорицания.

Бровь незнакомки опять поползла вверх. На миг я устыдилась своих дерзких речей, но затем восторжествовал здравый смысл. В конце концов, она состояла в рыцарстве и служила у короля, которому Вещие явно не благоволили. Так что раскаяние ни к чему.

– Меня мучает жажда, – сказала я.

– Что ж, – она притопнула сапогом, – окажите честь простой воительнице – позвольте сопроводить вас до ваших покоев.

Я кивнула на здание у нее за спиной.

– Кухня рядом. Я возьму воды там.

– Я принесу.

– Сколько заботы, – я развернулась, чтобы обойти ее, – но не нужно.

– Постой, Провидица. – Она быстро схватила меня за рукав. – Постой же...

Я рванула дверь в трапезную.

На длинном деревянном столе сидел, согнувшись, другой рыцарь. На нем не было ни доспехов, ни кольчуги, ни туники. Вообще ничего, кроме штанов, что едва держались на припущенной шнуровке.

Он повернулся на звук открывшейся двери; взор темных глаз остановился на мне. Свет огня сверкнул на трех золотых кольцах, которые украшали правое ухо мужчины.

Тот самый рыцарь с дороги.

Он курил что-то – маленькую тлеющую веточку, и запах ее обжигал, словно крапива. Наши взгляды встретились, и, как и в прошлый раз, когда я сидела на стене, а он на коне... в его глазах не было ни капли тепла.

Затем он заговорил. Не отрывистыми выкриками, как на дороге, а тихо. И я подумала: возможно, все его тепло таится именно здесь – в раскаленных, будто нагретых углем глубинах его голоса.

– Что случилось, Мод?

Дама-рыцарь позади меня – Мод, как выяснилось, – переступила с ноги на ногу. Я застыла на пороге, мешая ей пройти.

– Она бродила в темноте. – Следующие слова Мод произнесла нарочито медленно. Многозначительно: – Явилась попить воды.

– Эй, – раздался другой голос.

Я вздрогнула. Я не заметила вторую фигуру в комнате; у огня сидел пухлощекий парнишка и разглядывал меня.

– Да это же моя Провидица.

Король Бенедикт Кастор.

Он кивнул мне в знак приветствия, одарив лучезарной мальчишеской улыбкой. Дрожащего юнца и след простыл – теперь король, несмотря на ужасающие предзнаменования, которые открылись ему через мои грезы, выглядел совершенно расслабленным.

– Прорицания – это невероятно, – сказал он. В руках король держал большую флягу, которую не успел спрятать за спиной. – Благодарю тебя.

– Всегда... рады, – пробормотала я. Возможно, он напился. Ни один трезвый человек на его месте не скалился бы так глупо. Я обернулась к Мод. – Я не бродила в темноте. Я просто шла. Потому что я здесь живу. А вы – наши гости.

Полуголый рыцарь сполз со стола. Я смотрела ему в лицо, упрямо не спускаясь взглядом ниже. Ни на четко очерченные кубики живота, ни на косые мышцы пресса, ни на темную дорожку волос, что тянулась от пупка вниз...

– Наверное, это нечто особенное, – он приоткрыл рот и выпустил дым, – быть Провидицей.

Судя по его голосу, он считал иначе.

– Быть Провидицей – это честь. Как и быть тем, для кого провидят. Ты бы понял это, если бы удосужился посетить церемонию.

– Ты заметила мой уход, верно?

– Трудно было не заметить, ты ведь целое представление в соборе устроил.

Мод кашлянула. Рыцарь покосился на нее, и они обменялись взглядами, смысл которых я не сумела разгадать. И тут я увидела то, что упустила, когда он сидел ко мне вполборота. Причину, по которой на нем не оказалось туники.

Вздувшиеся болезненные кровоподтеки украшали правую сторону тела рыцаря. На коже темнели пятна – у него было сломано по меньшей мере одно ребро.

– Что случилось? – выпалила я.

Он посмотрел на свой бок, а потом на меня – сквозь очередные клубы дыма.

– Ничего, о чем тебе стоило бы тревожиться.

Король Кастор выдавил смешок.

– Тебе что-то нужно, Провидица? Может, воды? – Он торопливо пересек трапезную и водрузил флягу, которую прятал за спиной, на стол рядом с потрепанной книжицей; содержимое сосуда глухо булькнуло.

В воздухе повеяло знакомым запахом.

Я втянула его носом, словно собака. Мне был известен этот проклятый запах! Он поднимался из фляги и расползался по комнате. Там было не вино, как я предположила, он не бил в нос, подобно дыму от веточек, а источал сладость. Прелость. Словно гниющие цветы.

Вода из родника Ашлина.

Полуголый рыцарь пристально взглянул на меня.

– Провидица?

В животе ухнуло. Желчь, которая, как мне казалось, вся выплеснулась на пол собора, снова подкатила к горлу; я хотела бы отплатить рыцарю за дерзкие речи иначе, но прижала руку к животу, согнулась пополам и извергла содержимое желудка прямо ему на сапоги.

И я побежала.

Толкнула плечом Мод, та встревоженно рывкнула «Какого хрена?!» и попятилась. Я задела ее латный наплечник и умчалась в ночь – во тьму босиком по траве, выскочила на каменную тропу и понеслась к домику, где жила с другими девушками.

Я уже почти добралась до цели, когда услышала позади шаги.

– Провидица!

Я не обернулась.

– Провидица!

До двери оставалась всего пара десятков шагов, меня от нее отделяла лишь хлипкая деревянная калитка. Я ухватила за штакетину и принялась на шаривать засов. Тот уже со скрипом поддался...

Но сбоку от меня показалась рука и прихлопнула калитку намертво. Я опустила взгляд: стало ясно, почему он так долго меня догонял.

Он снял сапоги. Те самые, на которые меня столь непочтительно вывернуло.

Не просто так нас, Провидиц, держали вдали от посторонних взглядов после Прорицания. Для нашего положения было недопустимо в немощи показываться людям. Нельзя выдавать, как нам дурно после грез о знамениях. Никто не знал, как нас тошнит от воды из родника Ашлина.

А мне пришлось показать свою слабость перед этим ослом – и все тело мое вспыхнуло от стыда.

Я повернулась. Рыцарь стоял сразу за мной.

– Отойди! – резко велела я.

Он посмотрел на мой покров, на меня, словно я была ядовитой змеей. Завороженно – и с отвращением. Мы стояли очень близко, и я разглядела, что он курил: нечто похожее на веточку – тонкую, узловатую, не длиннее моего среднего пальца. Он приложил ее к губам, убрал руку с калитки и сделал три шага назад.

Все равно слишком близко. Его нагота...

– Одеться не мог?

Рыцарь скользнул взглядом по моему телу и тут же отвел глаза. Запрокинул голову и выпустил дым изо рта в небо.

– То же самое можно сказать и тебе.

Я оглядела свое мокрое ритуальное одеяние, тонкое и облегающее тело.

Распутник!

– Почему у короля во фляге была вода из родника?

– Не понимаю, о чем ты.

– Я учуяла запах.

– Уверена, что пахло не от тебя? Ты насквозь провоняла Ашлином.

Рыцарь был высок, но сутулился. Колени чуть согнуты, сам подался вперед с лениво опущенными плечами, словно ему тяжело было стоять выпрямившись во весь рост.

– Все это время ты провела в соборе?

– А что?

– Бенджи захочет узнать.

– Кто?

– Бенедикт Кастор. – Он раздраженно прищурился. – Король.

Ну и наглец этот рыцарь! Возможно, король не обладал таким влиянием, как матушка или даже Провидицы, но заслуживал, чтобы его величали «сиром» или «Его Величеством». А не каким-то там легкомысленным «Бенджи»!

У меня вдруг заурчало в животе.

– Да. Я была в соборе.

Взгляд рыцаря, выражение лица было сложно истолковать. Бездонные темные глаза, которые изучали меня, поглощали лунный свет и его же отражали. Я поняла лишь одно: ему не нравится мой покров. Он поглядывал на него, хмурился, затем смотрел куда-то поверх моей головы, словно предпочитая беседовать с воздухом, а не с наполовину скрытым лицом.

– Тебя рвет из-за крови или из-за родниковой воды?

– Не твое дело.

Он снова затянулся веточкой, а потом предложил ее мне.

– Держи.

– Что это?

– Окаменевший праздnocвет. Прогоняет тошноту. Поправит самочувствие.

Я недобро улыбнулась, скользнув взглядом по синякам у него на боку.

– Похоже, это не мне тут требуется поправить самочувствие. Разве что после нашего разговора.

Он улыбнулся в ответ – столь же недобро. Зубы у рыцаря были белые, все прямые, кроме трех нижних впереди, немного кривоватых. Словно нестройный ряд светлокожих солдат. Я вдруг подумала: если бы он меня укусил, след вышел бы ни на что не похожим.

Ну и жуть в голову лезет!

– Тогда от тошноты. – Он выпустил дым через ноздри и снова протянул мне веточку. – Или это дурное предзнаменование – курить под серебряной луной?

– Не все в этом мире – предзнаменование.

– Меня-то не дури. Куда ни пойдешь в этом гадском королевстве – везде только и слышишь, как упала монета, да пролились чернила, потекла вода, зазвенел колокольчик или, будь она проклята, порвалась нитка. – Рыцарь покачал головой и сухо рассмеялся. – В Ашлине ловко все устроено. Каменные реликвии, что принадлежат Вещим, с виду заурядные, но их предсказания туманны. Поле для ошибок и неверных толкований настолько широко, что моя кобыла подохла бы с голоду, пытаясь пересечь его из конца в конец. И все же этот собор, эта священная земля – единственное место во всем Трауме, где люди обретают уверенность, что их потраченная на поиски знамений жизнь прожита не зря. И платят за это монетами, заработанными тяжелым трудом.

Его непочтительное высказывание как громом пронзило воздух. У меня вспыхнули щеки. Рыцари должны искоренять такое богохульство в поселениях, а не возвращать в собственных рядах. За все десять лет в Ашлине никто не осмеливался говорить со мной подобным образом. Каков подлец! Он недостойн своего звания. Я поняла это с первого взгляда – он был грубым. Порочным.

Самым мерзким рыцарем во всем Трауме.

Я вся оцетинилась.

– Это не пустая трата. Прорицания избавляют людей от мук, которые несет неизвестность. Знать, что тебя ожидает что-то хорошее или плохое, – словно заглянуть в будущее. Вещие боги творят свою магию. Как и я. – Я оперлась на калитку и забрала у него веточку. – Так прояви, мать твою, хоть немного уважения.

Он уставился на меня, глаза его так потемнели, что зрачки слились с радужкой. Когда он заговорил, низко и хрипло, казалось, будто говорят двое одновременно: один голос – теплый и бархатный, другой – глухой, словно камни перетирают в щебень.

– Как тебя зовут?

Я поднесла веточку к губам и осторожно вдохнула.

Дым, острый и горячий, обжег горло.

– А тебя?

– Родрик Миндашес. – Он поморщился, будто взял не ту ноту на скрипке. – Рори.

У меня заслезились глаза. От дыма зудело глубоко в груди. Начался неудержимый кашель. Я прикрыла рот рукавом и прочистила горло. Рори улыбнулся уголком рта.

– Шестая.

Он удивленно вздернул брови.

– Шестая...

Ого... У меня закружилась голова. Тошнота в животе вдруг ослабла. Еще одна затяжка – и тянущее ощущение исчезло без следа. Вторая – и пустота в конечностях сменилась обволакивающим теплым туманом...

– С тебя довольно. – Рори вытащил у меня изо рта веточку, от которой мало что осталось. Подхватил ее нижней губой, затянулся сам и выбросил на тропинку.

– Шестая – это порядковый номер, а не имя.

– Нам не дозволяется произносить наши подлинные имена.

– Как и глаза показывать? – Он покосился на мой покров. – Для чего это, кстати? Похоже, никто не знает.

Я плотно сомкнула губы.

– Секрет, выходит. – Он кивнул. – Полагаю, такого же рода, как и тот, почему никому, кроме святых Провидиц, не дозволено пить воду из источника в соборе.

Я вспомнила флягу в руках короля Кастора.

– Такое уже пытались проделать. Всего несколько лет назад один торговец с Ярмарки Коулсона отчаянно возжелал сам увидеть Вещих, он ринулся по нефу и принялся хлебать из родника, что твоя свинья из корыта. Горгульи треснули его по голове и выволокли во двор. Никаких грез он, разумеется, не увидел, зато наблевался до слез. Так что передай своему королю – пусть пьет себе на здоровье краденую воду. Только сам береги сапоги.

Рори нахмурился, а я пожала плечами.

– Грезы приходят лишь к Провидицам, – сказала я.

– Но кто такие Провидицы на самом деле? Сиротки-подкидыши? – Он окинул меня взглядом с ног до головы. – Матушка лишает вас имени, лица, одежды, различий и примет – заточает в стенах собора, где вам суждено пить кровь, тонуть и грезить. Вы разбираетесь в Вещих богах и их знамениях, учитесь смотреть на всех свысока, но не ведаете, что на самом деле творится в поселениях. Не имеете представления о подлинном Трауме, который ждет вас по окончании службы – а судя по твоему возрасту, осталось уже недолго. – Рыцарь причмокнул и ухмыльнулся, причем весьма недружелюбно. – Осторожнее, Номер Шесть. А то кто-нибудь обвинит вас, что вы тут, на этом богами проклятом холме, слишком уж весело проводите время.

Шею обожгло жаром. Да как он смеет!

– Придержи язык, не то я его вырву! Я служу богам. А ты – мальчишке-королю, который получил пять дурных знамений. Не тебе меня упрекать.

Резко – так, что под ногами взметнулся щебень, – я развернулась, щелкнула засовом калитки и потопала к нашему дому.

– А извиниться за мои сапоги ты не желаешь? – крикнул Рори мне вслед.

Я снова повернулась к нему, чтобы накричать – или швырнуть камнем, но Родрик Миндешес уже показал мне спину и зашагал прочь. Мрак рисовал тени на его широких плечах.

– Это была честь для меня, Провидица! – бросил он через плечо.

Всю ночь я не сомкнула глаз, кипя от ярости.

Глава четвертая

К примеру, шантаж

Наступил рассвет; в окнах дома Провидиц жалобно завывал ветер. На высоком холме, как и во всем Трауме, вечно гуляли ветра. Я невольно задумалась: во всех ли поселениях они стонут так горестно?

Хлопнула входная дверь, и в спальню донеслись голоса; лестница разразилась привычной скрипучей песней.

– Я все еще считаю, что его следует оскопить.

Я улыбнулась.

Когда я вчера пришла, постели Первой, Третьей и Четвертой были пусты. Они прогуляли всю ночь и наконец притащились в большую спальню, где мы обычно спали вшестером. Девушки сбросили плащи; в своих мягких белых платьях они походили на мешки из-под муки. Четвертая размахивала руками, гневно раздувая ноздри.

– Уж он это заслужил!

Я села на кровати и потянулась, закинув руки за голову.

– Кого это мы собрались оскопить?

– Даже не спрашивай, – простонала Третья, плюхнувшись на свою кровать.

Четвертая повернулась ко мне, театрально вздохнув.

– Он женат. Уэнтворт женат.

– А Уэнтворт – это?..

– Рыцарь, который вчера просто умолял уделить ему внимание. Само собой, я улизнула тайком встретиться с ним...

– И нас за собой потащила, – зевнула Первая, рухнув на тюфяк рядом со мной. Короткие каштановые волосы торчали во все стороны. – Она в ярости, поскольку мой рыцарь сказал мне, что у ее рыцаря дома жена и двое мелких отпрысков.

– Мерзавец как-то забыл об этом упомянуть, пока тыкался ртом у меня между ног, – проворчала Четвертая, со злостью заплетая волосы в косу.

Проснулись Вторая и Пятая, уселись на кроватях, потирая глаза.

– Первый в истории мужчина, который соврал о своем брачном статусе, подумать только, – буркнула Вторая, откидывая одеяло, чтобы Третья могла прилечь рядом с ней на их общую постель.

– Он же рыцарь! – Щеки Четвертой еще больше разругались от гнева. – Как там звучит их девиз? «Погнуты доспехи, сломается меч – но я не сверну с пути чести». – Она прошагала в другой конец комнаты, где стоял маленький деревянный столик с треснувшим зеркалом, и уселась на его край. – Они же должны блюсти кодекс! Ну там, являй доблесть в любви, вере, ратном деле – и все такое.

– Разумеется, рыцари должны блюсти кодекс. – Первая потерла глаза. – И главный закон в нем – никогда не упоминать о женах. Дальше идет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.